

оригинальная статья

УДК 159.9.072.59

Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы

Татьяна Анатольевна Адмакина

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург

Центр независимой профессиональной экспертизы «ПетроЭксперт», Россия, г. Санкт-Петербург

admakina.ta@gmail.com

Поступила в редакцию 11.02.2021. Принята к печати 17.03.2021.

Аннотация: Психолого-педагогическая экспертиза назначается в рамках бракоразводных процессов и предназначена для решения споров о праве на воспитание ребенка. Одной из задач психолога при осуществлении данного вида экспертиз является диагностика эмоционального статуса ребенка. С этой целью преимущественно используются проективные методы. В настоящем исследовании предполагается выявить работающие (обладающие высокой дифференцирующей силой) проективные референты эмоциональной дестабилизации и эмоционального конфликта у ребенка в ситуации судебного разбирательства между родителями. Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующие в психолого-педагогической экспертизе. Для сравнительного анализа был произведен подсчет измеряемых признаков среди детей, чьи родители не разведены и не пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка (56 детей). Испытуемым предлагалось изобразить рисунок несуществующего животного с помощью разноцветных карандашей. Измеряемые признаки – штрихованные линии, эскизные линии, стирание и исправление рисунка, сильный нажим, наличие ран или шрамов на теле животного, наличие у животного ног, которые не выполняют функцию опоры, наличие двух и более голов у вымышленного существа, яркость и полихромность рисунка. Признаки оценивались в дихотомической шкале. Для сопоставления частоты встречаемости признаков в двух независимых выборках и оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования ϕ^* -Фишера. Признаком, обладающим высокой дифференцирующей силой, является наличие двух голов у вымышленного существа, что указывает на внутренний конфликт и эмоциональное противоречие у ребенка, формирующие основу для психологической дестабилизации. Отличия выявлены по параметру *полихромность рисунка*. Дети исследуемой группы реже используют цвет, что может указывать на их низкий энергетический тонус и подавленное эмоциональное состояние. В группе детей, участвующих в психолого-педагогической экспертизе, чаще встречается признак *ноги, не выполняющие функцию опоры*, который также можно рассматривать как референт переживания неравновесного, неустойчивого состояния. Такие параметры, как штрихованные, эскизные линии, сильный нажим, стирание и исправление рисунка, раны, шрамы на теле животного, – редкое явление в имеющихся рисунках, они не показали значимых различий между двумя группами детей.

Ключевые слова: эмоциональный конфликт, проективная методика, рисунок несуществующего животного, конфликтный развод родителей, эмоциональный статус ребенка

Цитирование: Адмакина Т. А. Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 105–112. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112>

Введение

Психолого-педагогическая экспертиза (ППЭ) – исследование, которое назначается судом при решении вопросов, связанных с лишением (ограничением, восстановлением) родительских прав, определением места жительства ребенка, определением порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем (как и в каком формате будет происходить общение – по каким дням, с ночевкой / без ночевки, в присутствии обоих родителей, третьих лиц или наедине с отдельно проживающей мамой / папой и т. д.). Эксперт-психолог оценивает индивидуально-психологические особенности каждого из родителей и ребенка, диагностирует наличие / отсутствие индукции (влияния,

навязывания) мнения со стороны отца / матери, формирование негативного образа другого родителя, выясняет реальное отношение ребенка к папе и маме, степень привязанности к каждому из них. Также одной из задач эксперта-психолога является оценка актуального эмоционального состояния ребенка [1–3].

Как правило, ППЭ назначается в рамках бракоразводных процессов. Развод родителей довольно тяжело переживается детьми, особенно в ситуации, когда мама с папой не могут договориться между собой. Спор родителей о праве на воспитание несовершеннолетнего зачастую связан с осознанной или неосознанной индукцией одного из родителей,

манипуляцией мнением ребенка, в результате чего их сын / дочь вынуждены предъявлять не свое мнение и демонстрировать такое отношение к отдельно проживающему родителю, которое противоречит его истинным чувствам к нему. Довольно явно переживания несовершеннолетнего подэкспертного проявляются в его невербальном поведении [4]. В процессе беседы эксперта с ребенком на нейтральные темы мальчик / девочка, как правило, ведет себя свободно, мышечно расслабленно, естественно и легко отвечает на различные вопросы. Когда речь заходит на тему судебного разбирательства, у детей меняются просодические характеристики речи – появляются заминки, паузы, повышается / понижается интонация голоса, ускоряется или замедляется темп речи. Ребенок начинает тяжело и глубоко вздыхать, теребить в руках предметы, стучать ногой, дергать волосы, раскачиваться на стуле, закрывать руками рот, натягивать воротник на рот, прятаться под стол, вставать со стула, двигаться по направлению к двери и пр. Становится заметным мышечное напряжение, скованность. Семейный конфликт является невротогенной почвой для ребенка и формирует у него эмоциональную дестабилизацию [5].

Эксперту-психологу необходимо не только констатировать и описать эмоциональный статус ребенка, но и выяснить его детерминанты (источники). Как правило, негативные переживания ребенка вызваны семейной ситуацией, хотя в их возникновении могут участвовать и другие факторы – отношения со сверстниками, школьная неуспеваемость, отношения со значимыми взрослыми и пр. Для выяснения причин эмоционального дискомфорта в арсенале психолога имеются различные методы и методики: наблюдение, беседа, проективные техники, анализ продуктов спонтанного творчества, способы построения семантического пространства и пр. Наибольшую популярность в работе с детьми завоевали проективные методы, в частности рисунки. Их достоинствами являются возможность оценить бессознательные переживания и стремления человека, доступность и простота использования с несовершеннолетними испытуемыми [6; 7]. Однако они обладают рядом минусов. Рисуночные методики недостаточно стандартизованы, описанные в научной литературе способы трактовки изобразительных признаков – результат общих наблюдений практикующих психологов, а большинство интерпретаций до сих пор не удостоверены в строгом научном исследовании [8].

Ситуация с рисуночными методиками осложняется не только трудностями толкования. В одном из наших исследований мы рассматривали объективность оценки различных параметров рисунка путем подсчета степени согласованности независимых мнений трех экспертов по 39 изобразительным признакам методики «Рисунок несуществующего животного» [9]. Каждый эксперт оценивал 905 рисунков. В результате математико-статистической обработки данных были обнаружены признаки, обладающие высокой субъективностью. Выяснилось, что признаки, которые имеют

многообразие изобразительных воплощений (например, оригинальность животного или вызываемое им чувство неприязни), оцениваются экспертами неоднозначно.

В экспертной психологической практике часто используется методика «Рисунок несуществующего животного». Методика была создана М. З. Дукаревич и П. В. Янышиным [10] и призвана диагностировать большой диапазон индивидуально-типологических особенностей человека – эмоциональное состояние испытуемого, его характерологические, личностные черты, наличие психопатологии и др. Данную методику рекомендуется использовать начиная со старшего дошкольного возраста (с 5–6 лет). Рисунок несуществующего животного многими исследователями подвергается эмпирической верификации. С. Э. Габидулиной [11] была осуществлена попытка сопоставления некоторых признаков рисунка с данными личностных опросников, направленных на диагностику самооценки, агрессивности и др. М. К. Акимовой, Т. Н. Алехиной, Ж. В. Таратутой проведена «психометрическая квалификация методики» [12]. В клинической практике были выделены изобразительные признаки, объединенные в симптомокомплексы, свойственные больным невротами и психопатиями [13]. Н. Е. Богдановой, А. Г. Соловьевым, П. И. Сидоровым [14] описаны характерные особенности рисунка несуществующего животного для больных алкогольной зависимостью. Г. Ф. Музыченко [15] было реализовано масштабное клинико-психологическое исследование, показывающее связь изобразительных признаков методики «Несуществующее животное» со шкалами опросника ММРП на выборке людей различного возраста с различной психической патологией. Накоплен уже обширный материал, но эмпирическая проверка методики в рамках психолого-педагогической экспертизы не производилась.

Выбор методики «Рисунок несуществующего животного» обусловлен легкостью выполнения, применимостью для широкого возрастного диапазона (от 5 лет и более). Большинство методик, направленных на оценку эмоционального состояния ребенка, имеют узкие возрастные ограничения. Данная методика решает широкий круг задач – от оценки актуального эмоционального состояния до личностных и социально-психологических характеристик ребенка. Процедура судебной психолого-педагогической экспертизы активизирует защитные механизмы ребенка, которые необходимо ослабить с целью реализации качественного диагностического процесса. Методика «Рисунок несуществующего животного» обладает высокой проективной силой, т. к. подключается фантазия и воображение, имеющие близкую связь с бессознательными процессами.

Методы и материалы

Предполагается, что не все проективные показатели, описываемые в практических руководствах по использованию рисуночных методик (в частности, методики «Несуществующее животное»), обладают достаточной

содержательной валидностью, другими словами – действительно отражают заявленное психическое / психологическое свойство.

Цель настоящего исследования – выявить работающие (обладающие высокой дифференцирующей силой) проективные референты эмоциональной дестабилизации и эмоционального конфликта у ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы.

Исследуемую выборку составили 63 ребенка, участвующие в судебной психолого-педагогической экспертизе (г. Санкт-Петербург, ООО «Центр независимой профессиональной экспертизы "ПетроЭксперт"»). Возраст группы варьируется от 8 до 14 лет. Средний возраст – 9,8 лет. 59 % – мальчики, 41 % – девочки.

Для сравнительного анализа был произведен подсчет измеряемых признаков среди детей, чьи родители не разведены и не пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка. Контрольную выборку составили школьники в количестве 56 человек. Возраст – от 9 до 13 лет. Средний возраст – 11,3. 55,3 % – мальчики, 44,7 % – девочки. Контрольная группа была сформирована посредством рандомизации – случайного отбора из 348 школьников.

Испытуемым для изображения несуществующего животного был предложен набор из шести карандашей (желтый, синий, зеленый, красный, коричневый и черный), но при этом не делался акцент на обязательном применении всех цветов.

Измеряемые признаки – многократно описанные в литературе, широко известные и постоянно применяемые в психологической практике категории детской изобразительной продукции, свидетельствующие о наличии тревожного и / или невротического состояния у ребенка: штрихованные линии, эскизные линии, стирание и исправление рисунка, сильный нажим, наличие ран или шрамов на теле животного, наличие у животного ног, которые не выполняют функцию опоры, наличие двух и более голов у вымышленного существа. Также были оценены яркость и полихромность рисунка (использование двух и более цветов)

как показатели, свидетельствующие о благополучном эмоциональном состоянии испытуемого. Все обозначенные признаки представлены в дихотомической шкале (есть признак – 1, нет признака – 0).

Для сопоставления частоты встречаемости признаков в двух независимых выборках и оценки достоверности различий использовался критерий углового преобразования ϕ^* -Фишера [16].

Результаты

Традиционно принято считать, что признаками тревожности, эмоционального напряжения являются такие графические характеристики рисунка, как сильный нажим, штрихованные и эскизные линии (стремление контролировать свою тревогу), стирание и исправление рисунка. Выраженность штриховки и эскизных линий в настоящем эмпирическом исследовании – редко встречающийся признак в обеих группах, не обладающий дифференцирующей силой (в равных долях представленный как в исследуемой, так и контрольной выборках) (табл.).

Приблизительно в равной степени в обеих группах детей встречается признак *стирание и исправление рисунка*. Согласно К. Махвер [17], данный показатель свидетельствует о тревоге, желании изменить что-то, улучшить. В исследовании Г. Ф. Музыченко [15] обнаружена положительная связь признака *стирание и исправление рисунка* с тревожно-фобическими нарушениями. По нашим наблюдениям, в ситуации экспертизы дети гораздо чаще вносят коррективы в рисунки семьи – неоднократно изменяют свой образ и образ того члена семьи, с которым имеют напряженные отношения. Вероятно, рисунок вымышленного существа в исследуемой группе в этой плоскости анализа не обладает значимой диагностической силой.

Несколько чаще в контрольной группе встречается параметр *сильный нажим*. Большинство авторов рисуночных методик связывают данный признак с повышенной тревожностью. Однако сила нажима может быть обусловлена энергичностью, стеничностью, активностью

Табл. Сравнение параметров рисунка «Несуществующее животное» в двух группах

Tab. Comparison of the parameters of the "Non-existent animal" drawing in two groups

Параметр рисунка	Исследуемая группа (количество человек (%))	Контрольная группа (количество человек (%))	ϕ^*
Штрихованные линии	2 (3,2 %)	5 (8,9 %)	1,339
Эскизные линии	2 (3,2 %)	5 (8,9 %)	1,339
Стирание, исправление	3 (4,8 %)	4 (7,1 %)	0,528
Сильный нажим	9 (14,3 %)	13 (23,3 %)	1,247
Раны, шрамы на теле	0 (0 %)	0 (0 %)	0
Ноги, не выполняющие функцию опоры	27 (42,9 %)	15 (26,8 %)	1,857, $p < 0,05$
Наличие двух и более голов	16 (25,4 %)	1 (1,8 %)	4,285, $p < 0,01$
Яркость рисунка	32 (50,8 %)	39 (69,6 %)	2,107, $p < 0,05$
Полихромность рисунка	32 (50,8 %)	54 (96,4 %)	6,387, $p < 0,01$

субъекта как темпераментальной и / или характерологической особенностью. Возможно, дети, пребывающие в ситуации экспертизы, находятся в подавленном состоянии, что отражается на особенностях надавливания карандаша на бумагу. Таким образом, требуются дополнительные исследования и более детальная эмпирическая верификация обсуждаемого признака.

Ни в одной из групп не обнаружен признак *раны и шрамы на теле*. У А. А. Венгера [18] данный параметр рисунка выступает референтом невротизации. Предположительно, поражение тела – специфичный признак определенного круга психотравмирующих факторов (связанных с физической агрессией, неудовлетворенностью собственным телом и пр.) и неспецифичный для невротизации, вызванной семейным конфликтом.

При проведении рисуночного теста «Несуществующее животное» в ситуации экспертизы было отмечено, что дети склонны изображать существ с ногами, которые не выполняют функцию опоры (тонкие, слабые, висят в воздухе и пр.). Нижние конечности – это базисная часть фигуры. По М. З. Дукаревич и П. В. Яньшину [10], ноги – свидетельство обдуманности, основательности суждений, опоры на существенные положения, а их отсутствие – признак поверхностности, легкомыслия, импульсивности. У Г. Ф. Музыченко [15] ноги животного символизируют опору на реальность, практические, земные ценности, тонкие ноги – идеалистичность, наличие неустойчивой опоры на земную реальность. В нашем исследовании были обнаружены значимые различия в двух выборках по признаку *ноги, не выполняющие функцию опоры* с его преобладанием в группе детей, чьи родители находятся в ситуации судебного разбирательства по вопросу права на воспитание ребенка. Эмоциональное состояние таких детей связано с базовой тревогой и потерей чувства безопасности, стабильности. Предполагается, что обсуждаемый признак может быть рассмотрен как специфичный для исследуемой группы детей, обладающий достаточной дифференцирующей силой.

На уровне практических наблюдений эксперта-психолога было обнаружено, что в рисунках детей, находящихся в ситуации судебного разбирательства родителей по вопросу права на воспитание ребенка, довольно часто возникают вымышленные существа с двумя головами. В настоящем эмпирическом исследовании наблюдаемое в ППЭ явление подтвердилось – признак *наличие двух и более голов* в 16 раз чаще встречается в исследуемой группе. Говоря о мечте животного, дети напрямую заявляют, что хотели бы единения между двумя головами, чтобы две головы смотрели в одну сторону, чтобы два животных превратились в одно, нормальное и т. д.

В литературе можно встретить различные интерпретации обозначенного признака. У Г. Ф. Музыченко [15] признак *две и более головы* может означать как стремление к силе и власти, усиление рационального контроля над импульсами, так и внутренний конфликт, противоречивые желания.

Символически число два – двойственность, противоположность, конфликт, расщепление. На наш взгляд, именно такая интерпретация больше подходит для характеристики эмоционального и когнитивного состояния детей из исследуемой группы. Интересно, что число 3 символизирует множественность, творческую силу, созидание, движение вперед, преодолевающее двойственность. Трехголовых существ в рисунках детей конфликтующих родителей не встречается.

Судя по практическим экспертным наблюдениям, двухголовые животные появляются в рисунках, когда в семье имеется конфликт лояльности. Это ситуация, когда ребенок охвачен обвинениями в адрес одного из родителей (как правило, отдельно проживающего) – ранее любимого и близкого человека. При этом такой ребенок излишне идеализирует образ родителя, проживающего с ним. Для описания такого феномена Р. А. Гарднер ввел в литературу термин *синдром отвержения одного из родителей* [19]. В таком положении ребенок вынужден скрывать свое истинное отношение к родителю, транслировать не свое мнение, что формирует у него эмоциональную дестабилизацию и подрывает его адаптационные возможности.

В зарубежной литературе представлены исследования – результаты наблюдения за родителями-алиенаторами (теми, что способствуют формированию у ребенка отчуждения другого родителя), которые систематизированы в определенные поведенческие стратегии. С. Poustie, М. Matthewson и S. Balmer [20] выделили следующие тактики: эмоциональная манипуляция, поощрение неповиновения и союза, нарушение времени посещений и общения между родителем-мишенью и ребенком, утаивание информации, клевета на родителя-мишень, стирание образа родителя из памяти ребенка. А. J. L. Baker и D. Darnell [21] обозначили в своей работе семнадцать стратегий поведения, свойственные таким родителям. Е. Kruk [22] выявил двенадцать характеристик родителей-алиенаторов, являющихся показателями крайнего отчуждения другого родителя в психологическом пространстве ребенка.

Ряд исследователей данной проблематики отмечают, что в семьях, где дети пребывают в ситуации выраженного конфликта лояльности, они имеют более высокий уровень тревоги и депрессии по сравнению с детьми, чьи родители развелись, но не вовлекают ребенка в подобное положение [23; 24].

Приведем случаи из реальной практики. Родители на протяжении двух лет живут отдельно. Папа перевез сыновей в Санкт-Петербург (из Восточной части России), в результате – дети пребывают без встреч и общения с мамой на протяжении года. Папа аргументирует свое решение тем, что недоволен воспитательными тактиками бывшей супруги, ее участием в жизни детей (его истинный мотив – вернуть маму в семью, обратить ее внимание на детей). В ситуации экспертизы старший ребенок (12 лет) изобразил животное, состоящее из двух зверей (крокодила и барсука),

с двумя головами, где одна из них выражает злость, вторая – улыбается. Животные смотрят в разные стороны. Мечта животного – стать меньше, повернуться в одну сторону, чтобы крокодил и барсук не препятствовали друг другу, а шли вперед в одном направлении. Другой пример. Мальчик изобразил существо в виде рожка с двумя шариками мороженого, символизирующими две головы – одна голова улыбается, другая смеется. Существо тает, потом залезает в холодильник и превращается в мороженое. В реальной жизни мальчик живет на два дома – ½ недели у мамы, ½ недели у папы. Родители находятся между собой в конфликтных отношениях, и ребенку приходится постоянно лавировать, он не может расслабиться – ни у мамы, ни у папы.

Таким образом, можно констатировать, что такой проективный показатель, как наличие двух голов у вымышленного существа, является референтом эмоционального противоречия и внутреннего конфликта у ребенка.

Еще два параметра предлагается обсудить в настоящей статье – яркость рисунка и полихромность изображения (использование нескольких цветов). Обозначенные признаки чаще встречаются в контрольной группе. У детей, проживающих в условно благополучных семьях, применение нескольких цветов встречается почти в 95 % случаев. Традиционно принято считать, что моно- и ахроматическое изображение является признаком подавленного, астенического эмоционального состояния. Эмпирически доказано, что своеобразный страх ярких, интенсивных цветов наблюдается при неврозах [24]. Можно полагать, что выразительность и цветность несуществующего животного – маркер благополучного актуального состояния изображающего его субъекта. Но к такой интерпретации необходимо подходить крайне осторожно, т. к. корреляция цвета и эмоций является многоуровневой – цвет отражает символическое значение переживания, цветовое предпочтение может зависеть от контекста / наличной ситуации / предшествующего рисунку события и пр., устойчивые эмоциональные особенности субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений.

Результаты проведенного эмпирического исследования соотносятся с пострисуночным опросом детей из группы № 1 (чья родители пребывают в ситуации судебного разбирательства по вопросам права на воспитание ребенка).

63,4 % несовершеннолетних демонстрируют подавленное эмоциональное состояние, низкий энергетический тонус, что проявляется в беседе о вымышленном существе: отсутствует мечта, пассивный метод защиты, изображенное животное не нравится, любит спать, предпочитает неактивный образ жизни, одиноко (нет семьи, сородичей). 61,9 % детей находятся в состоянии внутреннего антагонизма и эмоциональной неустроенности, вызванном межличностным конфликтом родителей. Желания несуществующего животного у таких детей часто связаны с потребностью стать другим, переместиться в иное пространство, обладать суперспособностями, иметь семью.

Заключение

В настоящей статье предпринята попытка выделить изобразительные параметры методики «Несуществующее животное», обладающие достаточной дифференцирующей силой и эффективностью, в целях диагностики эмоционального статуса ребенка, пребывающего в ситуации высококонфликтного развода родителей. Признаком, обладающим высокой дифференцирующей силой, является наличие двух голов у вымышленного существа, что указывает на внутренний конфликт и эмоциональное противоречие у ребенка, формирующих основу для психологической дестабилизации. Отличия выявлены по параметру *полихромность рисунка*. Дети исследуемой группы реже используют цвет, что может указывать на низкий энергетический тонус и подавленное эмоциональное состояние. В группе детей, участвующих в ППЭ, чаще встречается признак *ноги, не выполняющие функцию опоры*, который также можно рассматривать как референт переживания неравновесного, неустойчивого состояния. Такие параметры, как *штрихованные, эскизные линии, сильный нажим, стирание и исправление рисунка, раны, шрамы на теле животного*, – редкое явление в имеющихся рисунках, они не показали значимых различий между детьми, переживающими конфликтный развод родителей, и детьми, воспитывающимися в условно благополучных семьях.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Харитонов Н. К., Сафуанов Ф. С., Вострокнутов Н. В., Русаковская О. А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3. С. 93–106.
2. Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А. Индивидуально-психологические особенности родителей как предикторы высококонфликтных разводов // Психологическая наука и образование. 2012. № 2. С. 60–70.
3. Сафуанов Ф. С., Харитонов Н. К., Русаковская О. А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
4. Адмакина Т. А. Проявление поля власти в невербальном поведении ребенка в ситуации психолого-педагогической экспертизы // Ананьевские чтения – 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы

- развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.): мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 8–11 декабря 2020 г.) СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 615–616.
5. Адмакина Т. А. Специфика эмоциональных переживаний детей в ситуации высококонфликтного развода родителей // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всерос. конф. по юридической психологии с Междунар. участием. (Москва, 11–13 ноября 2020 г.) М.: МГППУ, 2020. С. 70–71.
 6. Психодиагностика / под ред. А. К. Белоусовой, И. И. Юматовой. Ростов н/Д: Феникс, 2018. 256 с.
 7. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2018. 384 с.
 8. Беломестнова Н. В. К вопросу о методологии судебно-психологического исследования в гражданском процессе // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: мат-лы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30–31 января 2013 г.) М.: Проспект, 2013. С. 32–34.
 9. Адмакина Т. А., Басыгысова Т. А., Золотов И. Е. Степень согласованности мнений экспертов при оценке субъективных признаков рисуночного теста «Несуществующее животное» // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: мат-лы III Всерос. науч.-практ. (заоч.) конф. (Санкт-Петербург, 3–4 апреля 2013 г.) СПб.: СВИБТ, 2013. С. 50–57.
 10. Дукаревич М. З., Яньшин П. В. Рисунок несуществующего животного // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / ред. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантеев, А. Г. Шмелев, Е. В. Эйдемман. М.: МГУ, 1990. С. 54–73.
 11. Габидулина С. Э. К обоснованию методики «Рисунок несуществующего животного» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1986. № 4. С. 56–57.
 12. Акимов М. К., Алехина Т. Н., Таратута Ж. В. Психометрическая квалификация проективной методики «Несуществующее животное» // Психологическая диагностика. 2004. № 4. С. 47–57.
 13. Яньшин П. В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб.: Питер, 2004. 336 с.
 14. Богданова Н. Е., Соловьев А. Г., Сидоров П. И. Психодиагностические возможности проективного теста «Несуществующее животное» в наркологической практике // Наркология. 2007. Т. 6. № 7. С. 58–62.
 15. Музыченко Г. Ф. Проективная методика «Несуществующее животное». СПб.: Речь. 2013. 556 с.
 16. Высоков И. Е. Математические методы в психологии. Люберцы: Юрайт, 2016. 386 с.
 17. Маховер К. Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 1996. 158 с.
 18. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. М.: ВАЛДОС-Пресс, 2003. 160 с.
 19. Gardner R. A. The parental alienation syndrome: A guide for mental health and legal professionals. Cresskill, NJ: Creative Therapeutics, 1992. 152 p.
 20. Poustie C., Matthewson M., Balmer S. The forgotten parent: The targeted parent perspective of parental alienation // Journal of Family Issues. 2018. Vol. 39. № 12. P. 3298–3323. DOI: 10.1177/0192513X18777867
 21. Baker A. J. L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation // Journal of Divorce and Remarriage. 2006. Vol. 45. № 1-2. P. 97–124. DOI: 10.1300/J087v45n01_06
 22. Kruk E. Parental alienation as a form of emotional child abuse: Current state of knowledge and future directions for research // Family Science Review. 2018. Vol. 22. № 4. P. 141–164.
 23. Buchanan C., Maccoby E. E., Dornbusch S. M. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes // Child Development. 1991. Vol. 62. № 5. P. 1008–1029.
 24. Clawar S. S., Rivlin B. V. Children held hostage: Identifying brainwashed children, presenting a case, and crafting solutions. Chicago, IL: American Bar Association, 2013. 560 p.
 25. Базыма Б. А. Цвет и психика. Харьков: ХГАК, 2001. 203 с.

original article

Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise

Tatiana A. Admakina

St. Petersburg Humanities University of Trade Unions, Russia, St. Petersburg

Center for Independent Professional Expertise "Petroexpert" LLC, Russia, St. Petersburg

admakina.ta@gmail.com

Received 11 Feb 2021. Accepted 17 Mar 2021.

Abstract: Psychological and pedagogical expertise is part of divorce proceedings. It is intended to resolve custody disputes and diagnose the emotional status of the child by various projective methods. The research objective was to identify effective projective referents of emotional instability and conflict in 63 children going through a custody trial. The control group included 56 children. The subjects were asked to draw a non-existent animal with crayons. The parameters evaluated on a dichotomous scale included: crosshatching, sketching, erasing and correcting, strong pressure, wounds or scars on the animal's body, weak legs, two or more heads, brightness and polychromy. The ϕ^* -Fischer angular transformation criterion was used to compare the frequency in two independent samples and to assess the reliability of the differences. If the imaginary creature had two heads, it was a sign with a high differentiating power, which indicated an internal conflict and emotional contradiction in the child and, as a result, psychological instability. The polychromic pattern also proved different: the children in the experimental group appeared less likely to use color, which may indicate their low energy tone and depressed emotional state. Imaginary creatures on weak legs also proved more common in the experimental group, suggesting the children were going through an unbalanced state. Other parameters were quite rare in both groups.

Keywords: projective technique, drawing of a non-existent animal, conflicting divorce of parents, emotional status of the child

Citation: Admakina T. A. Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 105–112. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-105-112>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kharitonova N. K., Safuanov F. S., Vostroknutov N. V., Rusakovskaya O. A. A methodological framework for conducting a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination at the debate on the right to education of children: methodological recommendations for experts. *Theory and Practice of Forensic Science*, 2014, (3): 93–106. (In Russ.)
2. Safuanov F. S., Rusakovskaya O. A. Individual psychological features of parents as predictors of high-conflict divorces. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2012, (2): 60–70. (In Russ.)
3. Safuanov F. S., Kharitonova N. K., Rusakovskaya O. A. *Psychological and psychiatric examination of judicial disputes between parents about the upbringing and place of residence of the child*. Moscow: Genesis, 2011, 192. (In Russ.)
4. Admakina T. A. The manifestation of the field of power in the nonverbal behavior of a child in the situation of psychological and pedagogical expertise. Ananiev readings – 2020. *Psychology of service activity: achievements and prospects of development (in honor of the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945)*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 8–11 Dec 2020. St. Petersburg: Skifia-print, 2020, 615–616. (In Russ.)
5. Admakina T. A. Specificity of emotional experiences of children in the situation of non-conflict divorce of parents. *Kochenov readings "Psychology and Law in modern Russia"*: Proc. All-Russian Conf. on Legal Psychology with Intern. participation, Moscow, 11–13 Nov 2020. Moscow: MGPPU, 2020, 70–71. (In Russ.)
6. *Psychodiagnostics*, eds. Belousova A. K., Iumatova I. I. Rostov-on-Don: Feniks, 2018, 256. (In Russ.)
7. Burlachuk L. F. *Psychodiagnostics*. St. Petersburg: Piter, 2018, 384. (In Russ.)
8. Belomestnova N. V. On the methodology of forensic psychological research in civil proceedings. *Theory and practice of forensic examination in modern conditions*: Proc. 4th Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 30–31 Jan 2013. Moscow: Prospekt, 2013, 32–34. (In Russ.)

9. Admakina T. A., Basygysova T. A., Zolotov I. E. The level of experts' consensus during the evaluation of subjective characteristics of the drawing test Non-Existent Animal. *Integrative approach to the psychology of man and social interactions of men: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. (distance) Conf., St. Petersburg, 3–4 Apr 2013. St. Petersburg: SVIVT, 2013, 50–57. (In Russ.)*
10. Dukarevich M. Z., Yanshin P. V. Picture of Non-Existent Animal. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation*, eds. Zelichenko A. I., Karlinskaya I. M., Pantileev S. R., Shmelev A. G., Eidman E. V. Moscow: MGU, 1990, 54–73. (In Russ.)
11. Gabidulina S. E. On the feasibility of the technique Non-Existent Animal. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1986, (4): 56–57. (In Russ.)
12. Akimova M. K., Alekhina T. N., Taratuta Zh. V. Psychometric qualification of the projective technique Non-Existent Animal. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2004, (4): 47–57. (In Russ.)
13. Yanshin P. V. *Practical training in clinical psychology. Methods of personality research*. St. Petersburg: Piter, 2004, 336. (In Russ.)
14. Bogdanova N. E., Soloviev A. G., Sidorov P. I. Psychodiagnostic possibilities of projective test "Non-existent animal" in narcological practice. *Narkologiya*, 2007, 6(7): 58–62. (In Russ.)
15. Muzychenko G. F. *A projective technique Non-Existent Animal*. St. Petersburg: Rech, 2013, 556. (In Russ.)
16. Vysokov I. E. *Mathematical methods in psychology*. Lyubertsy: Iurait, 2016, 386. (In Russ.)
17. Machover K. *Projective drawing of a person*. Moscow: Smysl, 1996, 158. (In Russ.)
18. Venger A. L. *Psychological drawing techniques: Illustrated guidance*. Moscow: VALDOS-Press, 2002, 160. (In Russ.)
19. Gardner R. A. *The parental alienation syndrome: A guide for mental health and legal professionals*. Cresskill, NJ: Creative Therapeutics, 1992, 152.
20. Poustie C., Matthewson M., Balmer S. The forgotten parent: The targeted parent perspective of parental alienation. *Journal of Family Issues*, 2018, 39(12): 3298–3323. DOI: 10.1177/0192513X18777867
21. Baker A. J. L., Darnell D. Behaviors and strategies employed in parental alienation. *Journal of Divorce and Remarriage*, 2006, 45(1-2): 97–124. DOI: 10.1300/J087v45n01_06
22. Kruk E. Parental alienation as a form of emotional child abuse: Current state of knowledge and future directions for research. *Family Science Review*, 2018, 22(4): 141–164.
23. Buchanan C., Maccoby E. E., Dornbusch S. M. Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes. *Child Development*, 1991, 62(5): 1008–1029.
24. Clawar S. S., Rivlin B. V. *Children held hostage: Identifying brainwashed children, presenting a case, and crafting solutions*. Chicago, IL: American Bar Association, 2013, 560.
25. Bazyma B. A. *Color and the psychic*. Kharkov: KhGAK, 2001, 203. (In Russ.)